

4. Васильев Л. М. Теория семантических полей//Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 105–113.
5. Вилюман В. Г. Английская синонимика. М.: Высш. шк., 1980. 128 с.
6. Долгих Н. Г. Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии//Филологические науки. 1973. № 1. С. 89-98.
7. Жгенти М. В. Семантическое поле как принцип исследования словесных значений: Автореф. канд. дис. ... Тбилиси, 1983. 26 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь/ Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
9. Полевые структуры в системе языка/ Под ред. З. Д. Поповой. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. 199 с.
10. Слепко Г. Е. Поощрение, его значение и средства выражения//Теория и практика изучения языков. Вып. 1. Сургут: Изд-во СурГУ, 1997. С. 34–38.
11. Слепко Г. Е. Функционально-семантическая категория поощрения и ее связи с другими функционально-семантическими категориями// Теория и практика изучения языков. Вып. 2. Сургут: Изд-во СурГУ, 1998. С. 65-69
12. Тарланов З. К. Методы и принципы лингвистического анализа. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. 190 с.
13. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов//Езиковедски изследования в чест на акад. Стефан Младенов. София, 1957. С. 521–543.
14. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. 336 с.
15. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 255 с.
16. Щур Г. С. О грамматических, функционально-семантических и некоторых других типах полей//Английская филология. Краснодар: Изд-во Кубанского ГУ, 1976. С. 85–101.
17. Bulitta E., Bulitta H. Das Krüger Lexikon der Synonyme. Frankfurt am Main. Fischer Verlag, 1993. 1005 S.
18. Schippan Th. Einführung in die Semaseologie. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1975. 269 S.
19. Trier J. Der Wortschatz im Sinnbezirk des verstandes. Heidelberg, 1931. S. 1-56.
20. Trier J. Sprachliche Felder//Zeitschrift für die deutsche Bildung. 1932. Bd. 8. Hf. 9. S. 415-432.

Оксана Георгиевна ГИЛЬ —
аспирант кафедры психолингвистики
МГЛУ

УДК 801:159

УСТНАЯ РЕЧЬ КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ О ЛИЧНОСТИ

АННОТАЦИЯ. Автор, опираясь на данные психолингвистики и социолингвистики, рассматривает способность устной речи характеризовать индивидуума. Особое внимание уделяется концепции языковой личности как синтезу психологического и языковедческого знания в рамках теории речевой деятельности.

Within the scope of psycholinguistics and sociolinguistics the author considers the possibilities to obtain information about the individual from her or his oral discourse. Special attention is paid to the concept of the linguistic personality, as the synthesis of psychological and linguistic knowledge within the frame of the speech acts theory.

На сегодняшний день экспериментальные исследования идентификации личности по голосу и речи являются актуальными. Вопрос об иденти-

фикации личности, наряду с диагностикой ее психических свойств и состояний, повышением ораторского воздействия, определением авторства документов, связан с более глобальной проблемой речевой деятельности личности.

На современном этапе возникает необходимость комплексного подхода к изучению личности по особенностям речи, в совокупности основных этапов и факторов ее определяющих.

Выделено два направления в изучении речевой деятельности личности: одно из них раскрывает объективную взаимосвязь речи с индивидуальными особенностями личности, второе исследует возможности других людей извлекать из речи информацию о ее авторе. Комплексное исследование устной речи как источника информации о человеке привело к необходимости найти взаимосвязь речевой деятельности на трех уровнях, а именно — специфических механизмов речепорождения, в связи с индивидуальными типологическими особенностями личности, в структуре восприятия человека человеком. Познание личности по особенностям речи включает социальную идентификацию и социальную интерпретацию.

Совокупность таких переменных, как индивидуальность голоса, индивидуальный стиль речи и уровень культуры речи, играет системообразующую роль в интеграции индивидуальности речи и не только диагностирует их характеристики, но и влияет на формирование произвольного контроля как над эмоциями, так и над физиогномическими предъявлениями индивидуальности [8].

Стиль речи, который проявляется не только в художественном творчестве, но и в повседневном общении, связан с колоритностью личности. Это синтез глубоко личностного и присущего эпохе, соответствующего духу времени [4]. Выработанный стиль общения служит одним из показателей коммуникативной компетентности. Вместе с тем очень часто стиль общения ситуативно обусловлен и выбирается самим говорящим в зависимости от преследуемых коммуникативных целей.

Говоря о речевой культуре, следует учитывать 2 момента:

1) пассивное знание словаря, грамматики, фонетики; 2) активный момент, творческое овладение языком, его нормами.

В современной лингвистической парадигме активно используется понятие языковой личности, под которым подразумевается многокомпонентный набор языковых способностей к созданию речевых произведений, различающихся 1) степенью структурно-языковой сложности; 2) глубиной и точностью отражения действительности; 3) определенной степенью целевой направленности [3].

Концепция языковой личности представляет собой синтез психологического и языковедческого знания. Теория языковой личности служит, в основном, построению обобщенного образа носителя языка как объекта словесного воздействия. Практически языковая личность — это такой объект, который может быть исследован только на моделях. При попытке прямого изучения реальных лиц, конкретных индивидуальностей как языковых личностей, мы сталкиваемся с двумя экстремальными случаями: либо мы обладаем исчерпывающей протокольной фиксацией произведенных этой личностью текстов, имея дело с творчеством писателя, например, либо, наблюдая за поведением конкретного человека, мы можем располагать достаточно полной картиной его действий, его поведения на протяжении определенного отрезка времени, но лишены при этом данных о его речепотреблении. Соединить же эти 2 контекста при наблюдении за реальными объектами не удается, а каждый из них в отдельности оказывается необходимым, но не-

достаточным для обобщения и типизации, для воссоздания структуры и закономерностей функционирования языковой личности. При изучении языковой личности в действие вовлекается описание различных уровней и аспектов, это требует параллельного и взаимосвязанного описания речеупотребления и условий его реализации, что поддается наблюдению на достаточно большом отрезке времени, охватывающем целый период жизни индивидуальности. Такие массивы информации для их эффективной обработки могут быть только смоделированы [6].

Ведущая роль здесь принадлежит изучению акустико-артикуляционных особенностей устной речи, значительно меньшее количество авторов рассматривает лексико-грамматические показатели. Одним из таких исследователей является Э. Л. Носенко. Ее экспериментальные работы (1975) подтвердили, что лексико-грамматические характеристики речевой деятельности могут выступать показателем состояния эмоциональной напряженности, переживаемой говорящим. Кроме того, в своих исследованиях Э. Л. Носенко приходит к выводу, что при чувствительности лексико-грамматического уровня к состоянию эмоциональной напряженности, переживаемой говорящим, существует большая индивидуальная вариативность изменения различных показателей речи в ситуации эмоционального напряжения. При этом оказывалось, что одна и та же ситуация эмоционального напряжения вызывала у различных испытуемых противоположные тенденции в динамике показателей речи.

Другой исследователь, М. Л. Николаева (1978), поставила цель изучить динамику устной спонтанной речи под влиянием ситуаций эмоционального напряжения в зависимости от индивидуальных особенностей, определенных по тестам Айзенка и Кеттела. Она обнаружила, что в группе, где преобладали нетревожные экстраверты, ситуация эмоционального напряжения повышала словарное разнообразие и длину устного рассказа, тогда как в другой группе испытуемых тревожных интровертов эта же ситуация вывела резкие деструктивные показатели нарушения речи, выразившиеся в стереотипности словаря, увеличении количества сорных слов, уменьшении длины сообщений.

Американскими исследователями (Moses 1976) изучены влияния интроверсии — экстраверсии на выполнение различных тестов испытуемыми в ситуациях психического напряжения: лишение сна, лимитирование времени в момент выполнения теста, введение испытуемым кофеина и плацебо. Заданные ситуации неодинаково влияли на выполнение вербальных заданий экстравертами и интровертами. Интровертированные испытуемые ухудшали показатели тестов в стрессовых ситуациях, экстравертированные выполняли задания в тех же условиях более успешно.

Интересные данные взаимосвязи лексико-грамматических показателей речи с некоторыми личностными особенностями были получены в работе Е. Н. Богданова. Он изучал предпочтения человеком некоторых лингвистических категорий. Характеристики личности определялись по методике Кеттела. В эксперименте испытуемые составляли фразы, произвольно выбирая глаголы, которые отличались по категориям вида, склонения. Фактор эмоциональной стабильности (измеряемый по методике Кеттела) находился в положительной корреляции с глаголами в повелительном склонении, фактор напряженности — с частотой предпочтения глаголов в сослагательном склонении.

Для изучения как художественных текстов, так и бытовых важны единицы анализа: речь идет о составе и количестве стилистических признаков,

которые могут выделяться по степени их стилистической важности, по полноте набора, по частоте встречаемости. Это очень эффективно, с одной стороны, при сравнительном анализе спорного и аутентичного произведений, а с другой стороны, при диагностировании личности автора спорного произведения [9].

Н. Л. Морозов еще в 1915 году в качестве единицы анализа брал наиболее часто встречающиеся и общие «для всех родов литературы» слова, т. е. служебные — союзы, предлоги, местоимения и т. п. Например, употребление союзов «потому что» и «так как», их способность к взаимозаменяемости почти в каждой фразе и в тоже время разные предпочтения у разных авторов. Причины того, что одни авторы текстов в основном употребляют «потому что» и почти не употребляют «так как», называются Морозовым «чисто машинальными причинами», обусловленными целым рядом внутри- и внешнелингвистических влияний, ушедших от нас уже давно в область бессознательного.

В результате анализа личностных смыслов в художественной литературе (Белянин 1988, 1992, 1996) была создана типология текстов, в основу которой положена эмоционально-смысловая доминанта, соотносимая со структурами того или иного типа акцентуации личности. В. П. Белянин дал следующие названия типам текстов по эмоционально-смысловой доминанте: «светлые», «активные», «темные», «печальные», «веселые», «красивые».

Данная теория находит практическое применение в проблеме идентификации личности по речи. Очевидно, что выявленные семантические группы, формирующие тип текста, являются вербальной манифестацией сознания личности. Есть основания говорить о том, что если слова тех или иных типов текстов в количественном отношении превалируют над словами других типов и частотность их употребления в анализируемом тексте превышает их частотность в языке, то это свидетельствует об определенном типе личности автора текста.

Эти соображения нашли свое отражение в создаваемой интеллектуально-экспертной системе ПАТ — «Психиатрический анализ текста» (на базе компьютерной системы ВААЛ, которая в течение нескольких лет применяется в целях фоносемантического и контент-анализа текстов массовой коммуникации). Кроме того, создана компьютерная разработка, апробированная на 800 испытуемых, «Проективного литературного текста» (Белянин 1992). Она может стать еще одним инструментом в решении проблем идентификации личности по речи (что близко так наз. *Forensic linguistics* — (Egleson 1994) и *stilometry* — (Carroll 1941).

Эмпирически доказано, что синонимия слов и грамматических структур естественного языка позволяет выразить в речи какое-либо содержание практически бесконечным числом возможных вариантов высказываний. «Вариативность человеческого языка приводит к тому, что мысль может быть высказана разными грамматическими структурами, а за одной и той же грамматической формой могут скрываться разные мысли» [3].

Еще Н. Хомский отмечал, что число предложений, которыми может потенциально оперировать человек, намного превышает число секунд всей его жизни. Американский исследователь П. Фарб (Peter Farb, 1985) провел следующий эксперимент: 25 испытуемым было предложено описать одним предложением просмотренный короткий мультфильм. В результате были получены 25 разных предложений.

В эксперименте С. С. Дашковой [5] испытуемые получали инструкцию о том, что участвуют в исследовании навыков устной речи, в связи с чем

необходимо как можно больше говорить в течение 5 мин. о любом запомнившемся событии из своего опыта. Рассказы испытуемых фиксировались на магнитофон, затем были переведены в текст для дальнейшей обработки.

Анализ текста выделял следующие показатели: длина рассказа, количество существительных, прилагательных, глаголов и наречий, местоимений, союзов, сорных слов. Показатели определялись относительно текста данной длины, учитывались общая сумма основных частей речи, примерная длина предложений, словарное разнообразие. Выбор данных показателей речи был основан на рекомендациях использования показателей устной спонтанной речи для целей психодиагностики, предложенных Э. Л. Носенко и А. А. Леонтьевым. Исследование интраструктуры лексико-грамматических показателей устной речи позволило наметить разные уровни регуляции порождения устного высказывания, одни из которых были обусловлены лингвистическими механизмами, другие связывались с проявлениями индивидуально-типологических особенностей личности в речевой деятельности.

Лингвистические механизмы высказывания проявились в форме парадигматического и синтагматического кода языка, которые обусловили две группы взаимосвязанных лексико-грамматических признаков устной речи, одна из них более связанная с парадигматическим кодированием, обозначающая единицами языка объект высказывания, включила показатели основных частей речи, словарного разнообразия и количества предложений. Другая группа, более связанная с синтагматическим кодированием, с помощью которого замысел речи переводится в плановое развернутое высказывание, включила показатели длины предложений, союзов, предлогов, местоимений.

Сопоставление показателей речи с ее индивидуально-типологическими особенностями подтвердило гипотезу о том, что построение лексико-грамматического уровня устной речи регулируется не только лингвистическими механизмами высказывания, но и наряду с ними закономерно отражает в своей структуре более общие свойства личности. В соответствии с тем или иным вариантом индивидуальности человек порождает устное высказывание, в котором акцентирована та или иная группа лингвистических признаков. Для интравертированных личностей в устном высказывании стали более выраженными показатели синтагматического кодирования. В то время как для экстравертированных личностей оказался характерным иной тип высказывания, в котором больше парадигматических показателей. Высокая тревожность личности вела к увеличению местоимений в структуре устного высказывания. Тем самым было доказано, что лингвистические механизмы устного высказывания, связанные с парадигматическими и синтагматическими кодами языка, подчинены более общим свойствам личности, таким как экстраверсия — интраверсия, тревожность.

Комплексный подход к проблеме устной речи как возможному средству психодиагностики предполагает изучение всех компонентов тетрады: говорящий — речь — слушающий — образ говорящего, что требует исследования не только вопросов структуры личности, порождения высказывания, но и субъективного, а потому сложного вопроса восприятия диктора по речи.

Лексико-грамматические характеристики устной речи влияют на впечатление о данном человеке и связываются субъектами с различными качествами личности диктора. Эта субъективная взаимосвязь личности и речи включает структуры признаков, которые отражают объективные проявления индивидуальных особенностей в речи, такие как экстраверсия —

интраверсия и тревожность. Выявлено влияние экстраверсии — интраверсии, тревожности, доминантности на содержание качеств, которые приписываются людям по речи. Интравертированные и тревожные испытуемые приписывали дикторам качества, сходные с собственными, в то время как доминантные испытуемые обнаруживали тенденцию наделять человека качествами, противоположными тем, которыми обладают сами. Среди изученных качеств личности доминантность носит более всего субъективизма в интерпретации других по речи. Применение ряда процедур экспертных оценок к полученным данным показало, что эффективность оценивания человека по речи в большей степени зависит от личностных качеств эксперта и значительно меньше — от характеристик объекта оценивания. Экстравертированные испытуемые, по сравнению с интравертированными, выявили тенденцию выступать более надежными экспертами в оценивании других по речи. Тревожность экспертов влияет негативно на результаты оценивания по речи.

Типичная структура образа говорящего включает в качестве основных факторы оценки, связанной в основном с индивидуальным тембром, качеством голоса, активностью, определяемой мелодикой и темпом речи, силой, связанной с высотой, громкостью и тембром, возрастом, также детерминированной тембром, интонацией, темпом, дефектами артикуляции и фонации, эмоционального состояния говорящего, нормативности — ненормативности речи.

Использованные в работе В. Х. Манерова процедуры позволили получить не только численные оценки адекватности идентификации возраста, роста, веса, количества различаемых эмоциональных состояний, но и определить степень снижения яркости вторичных слуховых образов в сравнении с первичными образами. Показано, как эмоциональные окраски разных модальностей по-разному уменьшают распознаваемость слушающим незнакомых дикторов и различным образом сдвигают атрибутируемые диктору возраст, рост и вес.

Р. Краус трактует значение не как нечто выделяемое из сообщения на последовательных стадиях его обработки, а как гипотезу, представляющую попытку интеграции разнообразных видов данных, включая невербальные сигналы, ситуативный контекст, исходные представления об отправителе информации. Подобные представления о несводимости восприятия речи к декодированию, а значения — только к свойствам сообщения проникли в теорию смыслового речевосприятия вместе с представлением об анализе через синтез как основном его механизме, а также в современную лингвистику текста. Предполагается, что процесс познания начинается с поиска общей мысли сообщения, а потом перемещается на лексико-грамматический и синтаксический уровни.

Обширная сверхлингвистическая информация о возрасте, образовании, грамотности, тембре голоса, состоянии здоровья, настроении говорящего относится к особому виду воздействия, зависящего от личности, голоса, манеры говорить. Глубина же воздействия зависит от удачности выбора лингвистических единиц, ориентированных на активизацию у слушателя чувства престижности, элитарности, дисциплинированности, уникальности, выгоды и т. д., в зависимости от возраста, пола, узкой социальной группы.

Брадок и его соавторы (1978) решили исследовать влияние лексического и синтаксического разнообразия речи лектора на эффективность ее восприятия. Оказалось, что низкое лингвистическое разнообразие речи нега-

тивно отражается на оценках лектора аудиторией, и эта негативная оценка не зависит от формы предъявления лекции в виде устного сообщения или письменного текста. Ситуация общения более формальная или менее формальная. Анализ данных также показал, что обнаруженный феномен более связан с изменением лексического разнообразия речи, в то время как синтаксические характеристики менее влияют на этот процесс.

Оценивание человека по речи другими людьми обусловлено не знанием объективных связей голоса и личности, а скорее некими социальными стереотипами речевого общения. Вместе с тем знание этих объективных связей может эффективно служить достижению целей общения.

Как отмечает Шерер (Scherer 1979), экстраверсия в США является социально одобряемой желательной характеристикой, мужчины усваивают те голосовые признаки, которые принято связывать с экстраверсией, обеспечивая позитивную оценку своей голосовой экспрессией. На первом этапе берутся на вооружение наиболее легко регулируемые качества: громкость, темп речи, а с течением времени ими усваиваются и другие поведенческие проявления экстравертированных личностей.

В целом в нашей речи очень много конвенциональных моментов, ритуальных фраз и речевых действий, которых мы ждем друг от друга в зависимости от ситуации. В процессе социализации усваиваются правила различных социальных игр, разыгрываются социальные роли. Каждое высказывание обусловлено экстралингвистическими факторами, целями общения, а также физическим и эмоциональным состоянием говорящего. Все это значительно снижает достоверность выводов о личностных особенностях.

Спорам вокруг теории личности не будет конца. Авторы теорий пытаются объяснить и предсказать поведение людей на основе комбинирования избранного конечного множества категорий, как бы воссоздавая скрытый от наблюдения механизм взаимодействия существенных психических образований личности.

Трудность применения этих объяснительных теорий в практической работе психолога состоит в отсутствии однозначных предписаний по применению объяснительных моделей к конкретным ситуациям.

Методики личностной диагностики по речи позволяют оптимизировать процесс принятия точных практических решений в разных профессиональных сферах. Прямое практическое применение в криминалистике, фоноскопической экспертизе речи имеющихся данных совершенно необходимо.

Потенциально область применения подобных программ намного шире — от педагогики до медицинской диагностики. В заключение хотелось бы отметить, что в обширной области познания человека по речи ждут своих исследователей еще множество вопросов, таких, например, как теоретическое обоснование разномасштабного проявления в речи свойств разных уровней интегральной индивидуальности. Существует идея о возможности увеличения адекватности познания путем обучения с направленной обратной связью, а также об изменении способов описания личностных характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беянин В. П. Психоллингвистические аспекты анализа художественного текста. М., 1988.
2. Беянин В. П. Введение в психиатрическое литературоведение. Verlag Otto Sagner. Munchen, 1996.
3. Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: Педагогика, 1934.

4. Головин Б. М. Основы культуры речи. М.: Высш. шк., 1988.
5. Дашкова С. С. Устная речь как источник информации о человеке: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. 1988.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
7. Леонтьев А. А. Речь в криминалистике и судебной психологии. М.: Наука, 1977.
8. Манеров В. Х. Экспериментально-теоретические основы социальной идентификации и интерпретации говорящего: Автореф. дис. ... доктора психол. наук. 1993.
9. Милов Л. В. и др. От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994.
10. Морозов Н. А. Лингвистические спектры: средство для отличия истинных произведений того или другого автора: Стилеметрический этюд // Отд. языка и словесности. XX. Кн. 4. 1915.
11. Dennis F. Homo Loquens: Man as a Talking animal/ Cambridge University Press. Eagleson R. Forensic analysis of personal written texts: a case study // Language and Law/ Ed. J. Gibbons, 1994.
12. Farb P. What happens when people talk. — New York, 1985.
13. Scherer K. R. Social Markers in Speech // Social Markers in Speech. ed. Scherer K. R. Cambr. P. 147 — 209.

